

УДК 821.512.142

DOI: 10.35330/1991-6639-2019-2-88-83-88

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ ЗЕЙТУНА ТОЛГУРОВА «АЛЫЕ ТРАВЫ»

А.М. САРБАШЕВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В статье рассматривается индивидуальное творческое осмысление фольклора в литературном процессе последних десятилетий XX века. Объектом анализа избрана повесть Зейтуна Толгурова «Алые травы», в которой при художественном решении философской проблемы «человек и природа» автор обращается к мотивам нартского эпоса, охотничьей поэзии («Апсаты», «Апсатыны мараучугъа жууабы») («Ответ Апсаты охотнику»), «Бийнегер»). В повествовании отмечаются также мифологемы белая кобылица, белый жеребенок, белый орел, ассоциирующиеся в этническом сознании с добром, благополучием. Констатируется, что фольклор в процессе трансформации в литературе наполняется эстетическим содержанием, что определяется как проявление художественного мышления нового порядка.

Ключевые слова: балкарская литература, З. Толгуров, фольклор, мифология, традиция, творчество.

В карачаево-балкарской литературе 1970-х годов устная словесность выступает как неотъемлемая часть художественного повествования. Творчески переосмысленный фольклорный компонент функционирует в структуре произведения при передаче особенностей этнического характера, психологии, менталитета, подчеркнута иллюстрируя этнопоэтику художественного полотна. Освоение традиций народного творчества национальными авторами приобретает новый аспект. Если в произведениях предыдущего этапа связь с духовным наследием отражалась в непосредственном заимствовании фольклорной поэтики, в композиционно-сюжетном развитии повествования, то в последующем наблюдается индивидуальное творческое осмысление традиций народного творчества.

Писатель Зейтун Толгуров в указанный период наряду с другими авторами А. Теппеевым («Кюн батмаиды» («Солнце не заходит»), 1971), М. Батчаевым («Элия» («Молния»), 1976) обращается к столь сложным философским темам, как человек и природа, человек и земля. Как справедливо отмечала критика, «новаторство его не только в том, что он поднимает подобные актуальные проблемы эпохи, а в эстетическом своеобразии, реализуемом при их решении» [5].

Нетрадиционное художественное решение означенных проблем заключается в том, что З. Толгуров обращается к мотивам нартского эпоса, охотничьей поэзии, которые творчески умело преломляются автором в художественной структуре повести «Къызгъыл кырдыкла» («Алые травы», 1974). Включение писателем данных фольклорных элементов рассматривается «как проявление образно-структурного мышления нового порядка, мышления функционального и гармоничного» [8, с. 706].

Здесь необходимо отметить поэтико-стилевую общность повести З. Толгунова и повести Чингиза Айтматова «Белый пароход». В сюжетную основу последней легла древняя сказка-легенда о Рогатой матери-оленихе, спасшей далеких предков киргизов от

полного истребления враждебными племенами. Использование данного мифа помогло «глубже осознать и передать неразрывную связь времен, нравственную преемственность между различными поколениями своего народа. Отталкиваясь от этой истины, Ч. Айтматов ратует за еще большее укрепление этих связей, преемственности, за более активное приобщение своих современников к первооснове, к духовному наследию далеких предков» [6, с. 212]. Таким образом, в целях реализации одного из основных требований историзма – обобщенного отражения преемственности связи настоящего с прошлым – художники слова обращаются к ярким образцам устной словесности.

В обоих произведениях образы Марала/Лани и Матери-оленихи представлены как носители нравственного опыта балкарцев, киргизов. Их уничтожение оценивается как жестокий акт покушения на духовные основы того или другого этноса. Отношение к мифическим фигурам для национальных авторов становится мерилем нравственности и гуманности поведения героев. Бесчеловечность и безнравственность Каракая в «Алых травах» З. Толгурова, стрелявшего в невинного животного, находит осуждение в детском гневе Азреталия, который становится очевидцем неоправданной жестокости старшего брата. «Каракай стоял, обхватив руками передние и задние ноги убитой им лани. Тонкие, стройные, как плети краснотала, ноги с острыми черненькими копытцами. Меж задними ногами виднелся толстый и короткий, как наперсток, сосок, сочившийся белыми слезами... Лань лежала на плечах Каракая, будто коромысло. Ее голова свисала вниз, касаясь пояса охотника, украшенного серебряным позументом... Кровь, капавшая из-под лопатки лани, окрашивала плечо и грудь Каракая, алела на поясе, на подоле рубашки...» [10, с. 337]. Случившаяся трагедия рассматривается героями повести как страшное зло («Ты сегодня пустил пулю в свою родную землю, – загремел Каспот. – Ты сотворил зло!!») [Там же].)

Как отмечала критика, свободное и органичное владение словом, ничем не скованное переплетение сюжетных линий, реализм конкретных описаний, уверенный... подход к созданию и совмещению в едином целом различных пространственно-временных пластов,... множественность и разнообразие миров – отличало стиль З. Толгурова [8, с. 706]. Писатель, расширяя художественно-эстетическое пространство произведения, создает параллельный виртуальный мир нартов («...Казалось, там далеко-далеко – пешком ни за что не дойдешь – кто-то давит спелый барбарис и потихоньку льет его сок на вершины гор, на гряды облаков. Но вот облака постепенно сходятся, сливаются и закрывают глаз солнца. Теперь там уже не рваные облака, пропитанные соком барбариса, а целое полотно – огромное знамя, сшитое из пламени, развеивается на самой вершине горы. Но чье же это такое знамя, кто мог поднять и поставить его так высоко? Азретали знает: оно принадлежит **нартам**, что живут за этими горами...» [10, с. 329]).

Сознание персонажей повести «Алые травы» З. Толгурова «переключается» в архаическое время (реальность), где главными фигурами являются мифологемы *белая кобылица*, *белый жеребенок*, *белый орел*, *белый марал* – ассоциативные образы добра, благополучия, удачи, счастья. «У каждого человека, верит Азретали, должен быть свой белый жеребенок. Надо только очень сильно захотеть найти его. Если ты настоящий мужчина – ищи без усталости и жди. ... Он верит: ни белая кобылица, ни поляна не обманут его мечты. Родная земля не оставит его без белого жеребенка, ее леса и горы не скроют от него своих туров, ланей, коз...» [10, с. 334]. И эта вера юного героя в **добро** находит начало в этнических истоках, в мире нартов: «После сказок матери ему (Азретали – А.С.) во сне часто являлись нарты на *белых* лошадях, *белый* марал, прилетал *белый* орел. Но орел не успевал сесть на крыло белого орла, оседлать белую лошадь, коснуться шеи

белого марала, – они исчезали, наполняя его сердце смутной печалью... Иногда ему грезилось, что они, словно белые тучки, тихо плавают над какой-то зеленой поляной. Порой они подпускали его совсем совсем близко и вновь отдалялись... Азретали еще плохо различал явь от сна. Он и наяву думал об этой зеленой поляне и мечтал отыскать ее, никому не раскрывая своей тайны. Оседлает белую лошадь, которую поймает там, и сам станет нартом. А целебное молоко белого марала будет отдавать больным...» [10, с. 328].

Символическое значение цветowych «онимов» белый марал, белая лошадь, белый орел, заимствованных из фольклора и Нартского эпоса, раскрывается «в ассоциативной связи с реальным цветообозначением» [7, с. 119]. В данном контексте цветовой эпитет «акъ» – белый (в противоположность «къара» – черный) является носителем семантического кода – положительный.

«Акъ» – белый цвет в «мультикультурном» контексте в этнопоэтике балкарцев обозначает признак или качество определяемого предмета, является символом чистоты и невинности, также может употребляться в значении «чистый, звонкий». Кроме цвета, символизирует и характер. Это цвет очищения и возвышения, символ мира, получающий метафорическое значение с положительной коннотацией. Он является символом благополучия и счастья» [2, с. 36].

Белый цвет в системе символических цветообозначений в фольклоре и литературах многих народов является доминирующим. Он воспринимается как явление позитивное, как цвет добра, исцеления, удачи, радости и перемен к лучшему [3, с. 113]. К примеру, в башкирской устной словесности отмеченный цвет определяется как символ дневного света, как признак верхних небесных сфер, олицетворяющих облака, свет. В этническом сознании башкир *белый* закрепился как образ блага, святости, чистоты, зарождения дня и жизни. Традиционными образами-символами являются *белая птица, белый ястреб, белый кречет*. Цветовой эпитет *белый* применяется и в отношении предметов материальной культуры – *белая юрта* [11, с. 288].

Как видно из художественного текста, в повести «Алые травы» З. Толгурова магистральная сюжетная линия пересекается с мотивами охотничьей поэзии («Апсаты», «Апсатыны мараучугъа жууабы» («Ответ Апсаты охотнику»), «Бийнегер»), что является одной из поэтических особенностей произведения. Писатель использует «прием сновидений – один из часто употребляемых в национальных литературах» [9, с. 578]. Введенный в структуру повествования микросюжет – сон-видение Каракай символический: он представлен в качестве дополнительного источника о трагической предопределенности судьбы героя, что расширяет рамки художественного повествования, усиливает идейно-эстетический потенциал произведения. В контексте сновидения освещается внутреннее психофизическое состояние персонажа. «Долго он лежал или недолго, как вдруг заметил, что из лесу вышло одинокое животное и неторопливым, спокойным шагом направилось к нему. Каракай никак не мог понять, кто это: коза не коза, лань не лань ... и вдруг у него заколотилось сердце: животное было похоже на белого марала! Не может этого быть, не дожидаться ему такого счастья! Но сомнений не было: перед ним стояла крупная, белая как кобылица Каспота, стройная лунорогая маралиха. Задние ноги ее распирали переполненное молоком вымя.

«Маралиха с целебным молоком! – прошептал Каракай. – Неужто я в сказке или сон мне снится?» – снова усомнился он и даже потрогал себя рукой. Нет, не сказка, не сон! Вот оно – его счастье! Он помнил народную песенную молву о целебной силе молока белого марала. Вот оно – его лекарство!» [10, с.382]. Герой повести ищет возможность душевного и физического исцеления, ибо у него «тело страдает от недугов, на сердце

тоска...» [10, с. 383]. Как свидетельствуют карачаево-балкарские фольклорные источники «Апсатыны хапары» («Сказание об Апсаты»), «Бийнегер», Апсаты – божество-покровитель животных – не только остерегал дичь от истребления охотниками, но и обладал магией лечения раненых туров, оленей, коз и т.д. [4, с. 58]. Неспроста Каракай полон надежды на то, что целебное молоко маралихи «вернет ему былую силу и меткость», однако он жаждет мщения людям, «которые хотели растоптать его, Каракая, лишит его своей доли счастья, – но теперь пришел его черед торжествовать над всеми» [10, с. 383]. Из содержания повести явствует, что герой не раскаивается в своем прошлом. Диалог с белой маралихой «обнажает» негативную сущность Каракая:

- Остановись же, не пожалей человеку наперсток молока! Слышишь, всего один наперсток! – молил он (Каракай – А.С.).

Маралиха не остановилась и не оглянулась.

- Жалеешь для меня глоток молока – так и я не пощажу твою жизнь! – крикнул Каракай и, вскинув ружье, выстрелил из обоих стволов. На ногу маралихи красным шелковым лоскутом расплылось пятно и алой лентой потекло вниз...

Маралиха остановилась, обернулась к стрелявшему.

- Ты не достоин даже проклятия, злобный, алчный человек. Ты уже много раз стрелял в меня, – сколько твоих пуль остыло в моем теле, ржавеет в моих костях... А теперь ты, человек с черным лицом, просишь у меня целебное молоко... Приходили враги, окрасили землю кровью твоих братьев и сородичей – сделал ли ты тогда хоть один выстрел, чтобы остановить своей пулей их пули?... Теперь с кровью твоих братьев ты сливаешь мою кровь. Поднимаюсь ли я на горные луга, опускаюсь ли на водопой, хожу ли я по тропам – я истекаю кровью. Прилягу на землю, прячась от преследования, - и подо мною стынет на земле лужа крови... Моя кровь – на камнях, и мне приходится слизывать ее с них вместе с солью. И на желтых обрывах – моя кровь... По утрам солнечные лучи отражаются на траве не в каплях росы, а в каплях крови... Ты вынуждаешь меня жевать траву, пропитанную моей же кровью...» [10, с. 384].

Каракай в порыве эмоций, одолеваемый инстинктом самосохранения, попадает в лабиринт безысходности.

«Тебе не уйти отсюда, – сказала белая маралиха. – Тропы нет. – Каракай взглянул: тропа исчезла. – Видишь эти отвесные скалы? Попытайся спуститься по ним – уподобишься зерну, которые провеивают на ветру... Но я еще раз помогу тебе. Я люблю людей – пусть они поймут мою помощь как знак этой любви...» [10, с. 385].

Каракай, до конца не осознавая свою обреченность, отрезает косы белой маралихи, предоставленные ему «как дорога к спасению», и летит в бездну, в небытие. Так завершается трагическая история одной человеческой жизни. Встреча с белой маралихой – прообразом фольклорного персонажа Апсаты – кульминация повести. Жизнь (судьба) Каракая – наглядная демонстрация жестокого обращения безжалостного человека с окружающей средой, природой, которая не прощает его за содеянное зло, за загубленных им животных, чьей кровью пропитана родная земля.

Вписанные в художественную ткань произведения фольклорные мотивы придают своеобразный национальный колорит, обнажают духовную сущность героя, пронизанные идеей гуманизма актуализируют проблему нравственного совершенствования человека. Анализ повести «Алые травы» З. Толгурова позволяет заключить, о том что устное народное творчество «как живая непрерывающаяся традиция, переходящая из поколения в поколение» [1, с. 104], трансформируясь в литературе, в процессе эволюции художественного сознания наполняется новым философским, эстетическим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базиева Г.* Миф – Фольклор – Литература: современные взаимосвязи // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2003. Вып. 10. С. 100-110.
2. *Болатова А.Д., Гергокова Л.С.* Специфика символических цветообозначений в фольклорных и художественных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Издательство «Грамота». 2015. № 9. Часть 2. С. 36-39.
3. *Керимова Р.А.* Система художественного контраста в поэзии Кайсына Кулиева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 50. С. 113-117.
4. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 152 с.
5. *Малкондуев Х.Х.* Судьбы героев – судьбы народа // Кабардино-Балкарская правда. 1977. 31 мая.
6. *Мусин Ф.М.* Связь времен. Казань: Татарское книжное издательство, 1979. 224 с.
7. *Мусуков Б.А.* Семантическое поле цветообозначений в карачаево-балкарском фольклоре // Актуальные проблемы современной фольклористики. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2009. С. 119-122.
8. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 808 с.
9. *Сарбашева А.М.* Фольклорно-этнографический компонент в художественной структуре современной балкарской драмы // Вестник Башкирского университета. Уфа. 2015. № 2. С. 576-580.
10. *Толгуров З.* Алые травы // Голубой типчак. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 320-387.
11. *Хакимьянова А.М.* Цветовая символика в башкирских лирических песнях // Актуальные проблемы современной фольклористики. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2009. С. 288-290.

REFERENCES

1. *Bazieva G.* *Mif – Fol'klor – Literatura: sovremennye vzaimosvyazi* [Myth - Folklore - Literature: modern interrelations] // *Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva KBR i KBNC RAN* [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of KBR and the KBSC of RAS]. Nalchik, 2003. Vol. 10. pp. 100-110. [In Russian]
2. *Bolatova A.D., Gergokova L.S.* *Specifika simvolicheskikh cvetooboznachenij v fol'klornyh i hudozhestvennyh tekstah* [Specificity of symbolic color terms in folklore and artistic texts] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota Publishing House. 2015. № 9. Part 2. P. 36-39. [In Russian]
3. *Kerimova R.A.* *Sistema hudozhestvennogo kontrasta v poehzii Kajsyna Kulieva* [The system of artistic contrast in the poetry of Kaysyn Kuliev] // *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the RAS]. 2013. № 50. p. 113-117.
4. *Malkkonduev Kh.H.* *Drevnyaya pesennaya kul'tura balkarcev i karachaevcev* [Ancient song culture of Balkars and Karachays]. Nalchik: Elbrus, 1990. 152 p.
5. *Malkonduev Kh.H.* *Sud'by geroev – sud'by naroda* [The fate of the heroes - the fate of the people] // *Kabardino-Balkarskaya pravda* [Kabardino-Balkarian official newspaper]. 1977. May 31.
6. *Musin F.M.* *Svyaz' vremen* [Connection of times]. Kazan: Tatar book publishing house, 1979. 224 p.
7. *Musukov B.A.* *Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v karachaevo-balkarskom fol'klore* [Semantic field of color terms in the Karachay-Balkar folklore] // *Aktual'nye problemy sovremennoj fol'kloristiki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii.*

[Actual problems of modern folklore studies. Materials of the International scientific-practical conference]. Kazan, 2009. Pp. 119-122.

8. *Oчерки истории балкарской литературы* [Essays on the history of Balkar literature]. Nalchik: "Republican Polygraph Plant n.a. Revolution of 1905", 2010. 808 pp.

9. Sarbasheva A.M. *Fol'klorno-ethnograficheskiy komponent v hudozhestvennoj strukture sovremennoj balkarskoj dramy* [Folklore-ethnographic component in the artistic structure of the modern Balkar drama] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. Ufa. 2015. No. 2. Pp. 576-580.

10. Tolgurov Z. *Alye travy* [Scarlet Herbs] // *Goluboj tipchak* [Blue Tipchak]. Nalchik: Elbrus, 2003. pp. 320-387.

11. Khakimyanova A.M. *Cvetovaya simbolika v bashkirskih liricheskikh pesnyah* [Color symbolism in Bashkir lyric songs] // *Aktual'nye problemy sovremennoj fol'kloristiki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Color symbolism in Bashkir lyrical songs. //Actual problems of modern folklore studies. Materials of the International scientific-practical conference]. Kazan, 2009. Pp. 288-290.

FOLKLORE MOTIVES IN THE STORY OF ZEYTUN TOLGUROV "SCARLET GRASS»

A.M. SARBASHEVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE "Federal Scientific Center
"Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: kbigi@mail.ru

The article deals with the individual creative understanding of folklore in the literary process of the last decades of the twentieth century. The chosen object of analysis – the story of Zeytun Tolgurov "Scarlet grass", where in the philosophical problem of "man and nature" the author refers to the motives of the Nart epic, to the hunting poetry ("Apsaty", "Apatani murucuja of zouabi" ("Apsaty"", "Response of Apsaty to the hunter", "Biyneger"). In the narrative there are also myths of the white stallion, the white colt and the white eagle, associated in the ethnic consciousness with goodness and well-being. It is stated that folklore in the process of transformation in literature is filled with aesthetic content, which is defined as a manifestation of artistic thinking of the new order.

Keywords: Balkar literature, Z. Tolgurov, folklore, mythology, tradition, creativity.

Работа поступила 07.03.2019 г.